

ПУШКИН КАК СИМВОЛ СИМФОНИИ КУЛЬТУР

Шестое июня – традиционно широко отмечается день Александра Сергеевича Пушкина в нашей стране. Это день рождения национального гения России, ставшего символом симфонии культур её народов и культуры мира. В предлагаемых заметках характеризуются некоторые стороны его личности и творчества.

Специфика политической и даже, не побоимся здесь сказать, культурной обстановки наших дней усложнила тон общественной жизни России настолько, что имя Пушкина сегодня кажется той едва ли не единственной нитью, которая безусловно связывает нас с прошлым. Обстоятельства международной жизни последнего года говорят, помимо прочего, о фатальном непонимании средним европейским и американским обывателем культурного многообразия России как евразийской цивилизации, – моста между Западом и Востоком. Черту эту открыл России, Европе, – а впоследствии, и Востоку, именно Пушкин, одним из первых обратившийся к теме Кавказа. Её разработка Пушкиным в принципе опережала не только своё время (1830-е годы), но фактически и представления века XX.

Что же даёт нам возможность так говорить? Для перемещения в обстановку времени здесь можно привести суждение о «Путешествии в Арзрум» приснопамятного Фаддея Булгарина, сохранившее по странной прихоти истории. «Кавказ, Азия и война! – сокрушался он в журнальном обзоре. – Уже в этих трёх словах есть поэзия, а

«Путешествие в Арзрум» есть не что иное, как холодные записки, в которых нет и следа поэзии».

Как видим, Пушкина упрекали в нежелании проявить подобающий казённый интерес к романтике военной экспедиции против непокорных азиатских дикарей. Шаблонная восточная экзотика питалась скачущим и грубым обывательским любопытством. Точно таким, – и никаким более! – образом она довольно часто и едва заметно входила в средневропейский националистически-колониальный стереотип, плавно перешедший, добавим, и в двадцатый век, – достаточно вспомнить того же Редьярда Киплинга, воспевшего превосходство белой расы и обратившегося в антигероя современной Индии. Не составляет в этом исключения и Джек Лондон.

Возникновение этого стереотипа гений Пушкина как раз и предвидит – и делает всё возможное, чтобы его сломать. Внимание Александра Сергеевича сосредотачивается на внутреннем, чисто человеческом, душевном контакте представителей разных религий, искренним желанием проникнуть в понятия культуры и среды ислама. Величайший поэт России ощущал трагедию меж-

конфессиональных преград с далеко опережающей свою эпоху остротой. Только Пушкину было свыше дано понять с необыкновенной ясностью роль межкультурных и межрелигиозных препятствий – вместе с возможностью сближения народов между собой в формах светской культуры, противостоящих фанатизму и дикости. Эскиз межконфессиональной темы, можно добавить, мыслился Пушкину и в другом виде – в наброске поэмы из жизни кубанских казаков под названием «Русская девушка и черкес». Совершенно не случайно наряду с Нижним Новгородом, Крымом и Одессой авторская воля Пушкина включает Кавказ, уникальный перекрёсток цивилизаций, в число её неотъемлемых, – но и национальных! – культурно-географических символов, которые постепенно начинают понимать Евгений Онегин, выйдя за ограду Летнего сада, в качестве средства выхода из французского культурного круга, открывающими стихию русской истории. Ведь в дни Пушкина французская традиция представляла собой некий общепризнанный экран, на котором образованная Россия наблюдала за литературой, историей, политикой европейских и часто неевропейских наций.

Глубоко закономерен поэтому факт обращения к теме личности и миссии величайшего гения России, основоположника новой литературы Азербайджана и Ирана, крупней-

шего деятеля просвещения Ближнего Востока XIX века в целом Мирзы Фатали Ахундова, преданно служившего России. Образ Пушкина явился для него символом противостояния монархическому деспотизму и религиозной нетерпимости, и потому персидская версия созданной Ахундовым «Восточной поэмы на смерть Пушкина» передавалась в 1937 году в программе вещания радио Советского Союза на Иран и Афганистан. Традицию Ахундова в отношении к Пушкину в наше время продолжал и Гейдар Алиев, – в речи на открытии памятника Пушкину в Баку.

Можно напомнить, что после Пушкина в культуре нашего Отечества окончательно становится физически невозможным любое провинциализм, любое ограничение в общественной жизни выгодами какой-либо нации. Открытие Пушкиным темы Кавказа сформировало модель взаимоотношений России со всей исламской цивилизацией.

Уже в уходящие в легенду 1960-е образ Пушкина воплощал в себе веру людей в завтрашний день страны, основанную на невиданной ранее стабильности и гармонии культурных ориентиров общества. Он зримо олицетворял собой живой интерес всего мира к культуре России, поскольку, помимо прочего, совпадал с уникальным в XX веке периодом баланса разнонаправленных сил международной политики. Лич-

ность и наследие Пушкина в то время стали важнейшим признаком самоидентификации граждан не только собственно России, но и всей большой, очень большой страны...

«Мирообъемлющий гений» Пушкина, говоря словами Белинского, гений мыслителя и аналитика, в особенности необходим сегодня России, когда жёсткость политических обстоятельств печальной эволюции к началу XXI столетия европейской цивилизации самонадеянно ставит под вопрос само представление

о смысле существования человека на Земле, о семье, нации, обществе.

«Мирообъемлющий гений» Пушкина принадлежит всей планете. Он представляет симфонию традиций, религий и культур России. Он хранит традиции классической Европы. Он открыт всему миру. Он излечивает души от безумия ксенофобии, фашизма и чёрной национальной ненависти. И отменить его невозможно.

Евгений ТАРЛАНОВ,
профессор,
Петрозаводск – Дербент.